

После этого ассистент перевёл его слова и начал вызывать актёров по порядку. Дун Чуань был третьим, он выглядел спокойным, вертел браслет на запястье и наблюдал, как другие исполняют свои роли.

Этот проект был сериалом. В зарубежных телешоу, если удаётся закрепиться в роли, можно сниматься долго и даже перейти на большой экран. Однако Дуна привлекали не ресурсы, а сам персонаж. Он считал его сложным и интересным, поэтому решил попробовать.

Сюжет рассказывал о женском сообществе в городе, члены которого проникали в различные организации и защищали женщин в своих сферах. Дуну предстояло сыграть единственного «мужчину» в этом сообществе, у которого было гендерное расстройство — он считал себя женщиной.

В последние годы тема ЛГБТ стала популярной, и даже небольшие группы стали объектом внимания.

Когда назвали имя Дуна, он кивнул, похлопал Чэн Пэнфэя по руке и поднялся на сцену.

Сцена для пробы была без слов. Дун подошёл к краю сцены, улыбнулся невидимому собеседнику, а затем поправил воображаемый галстук.

После этого он кивнул и что-то тихо ответил.

Попрощавшись, Дун повернулся спиной, и его улыбка постепенно исчезла.

Он открыл дверь, снял обувь и с усталостью потянулся.

Снимая пиджак, Дун остался в одних брюках и на мгновение замер перед диваном. Только что он был высоким, крепким мужчиной, а теперь свернулся на стуле, сжав губы, будто размышляя о чём-то.

Вскоре со сцены донеслись сдержанные рыдания. Не видя его лица, но слыша этот звериный звук, все в зале невольно сжали сердца.

Внезапно зазвонил телефон, и Дун резко выпрямился, положив длинные ноги на стул. Он будто превратился в другого человека, вернувшись к образу офисного работника, который только что разговаривал с коллегой.

— Кат!

Режиссёр кивнул, и ассистент вызвал следующего актёра.

Дун быстро оделся и спустился со сцены, сев рядом с Чэн Пэнфэем. Его глаза были красными, но настроение было хорошим, он потрепал Чэн Пэнфэя по голове.

Чэн Пэнфэй смотрел на него в замешательстве, внезапно не понимая, кто же настоящий Дун Чуань.

Тот ли это генерал Гу, несущий на себе бремя страны, или же Лука с гендерным расстройством.

Чэн Пэнфэй вдруг вспомнил давний эпизод из шоу, которое он смотрел с Сяо Мин.

Это было единственное шоу, на котором Дун появился, чтобы спасти ситуацию.

Ведущий, зная, что Дун придёт, хотел выжать из этого максимум.

Он спросил, был ли у Дуна кто-то, кого он любил, и каким был этот человек.

Чэн Пэнфэй помнил, как в кадре глаза Дуна загорелись. Он смущённо почесал голову и сказал: «Он был как неопытный зверёныш, выставляющий все свои слабости напоказ, чтобы его утешили. Но каждый раз, когда ты пытаешься коснуться его ран, он поворачивается и показывает свою красивую шерсть. Он человек, полный чудес».

Чэн Пэнфэй сжал губы, невольно думая, кто же достоин такого человека.

Режиссёр, просмотрев их выступления, нахмурился, размышляя о чём-то.

Чэн Пэнфэй потянул Дуна за рукав и не выдержал:

— И он ещё придирается?

Дун усмехнулся и тихо ответил:

— У режиссёра свои соображения.

Режиссёр, просматривая документы, вдруг посмотрел на Чэн Пэнфэя с улыбкой и, взволнованно, начал что-то быстро говорить ассистенту. Чэн Пэнфэй не понял ни слова.

— Что случилось? Я слишком громко сказал?

Дун покачал головой, послушал и сказал:

— Режиссёр хочет, чтобы ты попробовал.

— ...

Чэн Пэнфэй, словно утка, загнанная на шест, почувствовал, как в его голове всплыл мем.

«Мужик плачет».

Что за дела? Я просто пришёл посмотреть.

Несколько человек в зале внимательно смотрели на него. Чэн Пэнфэй в растерянности потер голову, пытаясь, как Дун, успокоить себя.

К счастью, в этой сцене не было слов, и Чэн Пэнфэй справился довольно хорошо.

Дун, сидя в зале, понимал свои возможности и вдруг осознал, в чём разница между ними.

У Чэн Пэнфэя были узкие глаза и тонкие губы. Он легко играл молодого аристократа эпохи Республики, и его внешность идеально подходила для этого изящного персонажа.

Режиссёр загорелся, не дожидаясь конца сцены, встал и начал что-то быстро говорить.

Чэн Пэнфэй молча сидел на сцене, надевая обувь, и спустился по лестнице.

Ассистент перевёл слова режиссёра:

— Режиссёр спрашивает, свободны ли вы с марта по август следующего года?

Чэн Пэнфэй замер, нахмурившись.

Это же воровство роли, Дун привёл его сюда, а теперь...

— Он свободен.

Чэн Пэнфэй посмотрел на Дуна, который улыбался, и в его глазах не было ни капли недовольства, только искренняя радость за него.

Сердце Чэн Пэнфэя мгновенно смягчилось, будто горячий уголь попал в воду, и зашипел, выпуская мелкие пузырьки.

На обратном пути Вэй Дун и Жумин тоже не могли скрыть радости. Они знали, что режиссёр искал азиатское лицо с мягкими чертами.

Дун, с его жёстким имиджем, не подходил.

Кто бы мог подумать, что Чэн Пэнфэй станет неожиданным открытием.

В любом случае, контракт был подписан с их студией, и прибыль пойдёт всем. Вэй Дун улыбался, говоря:

— Главное — подписать контракт. У Пэнфэя высокий старт — сначала фильм режиссёра Чэня, теперь Голливуд. Это серьёзно.

Дун взял Чэн Пэнфэя за запястье, обдумывая его будущее:

— Не спеши, иди шаг за шагом. Если этот сериал получится, зарубежные проекты будут сами находить тебя. После фильма Чэня можно будет подумать о китайских проектах. Он ещё молод, у него всё впереди.

Чэн Пэнфэй, чувствуя себя немного ошеломлённым, молча позволил Дуну играть с его запястьем.

Занятые оформлением контракта, Вэй Дун и Жумин вернулись в Китай, оставив Дуна и Чэн Пэнфэя в небольшой квартире. Формально они остались, чтобы обсудить условия с режиссёром, но на самом деле Вэй Дун угадал намерения Дуна и решил дать им немного личного пространства.

На следующий день они отправились в музей. Шёл мелкий дождь, и ни у кого не было зонтика. Чэн Пэнфэй, редко показывающий свою детскую сторону, под дождём кормил голубей.

Дун не останавливал его, фотографировал и говорил:

— Улыбнись, ученик.

Чэн Пэнфэй, увидев, что его фотографируют, отвернулся. Высокий парень присел на корточки, кормя голубей, дождь смочил его чёлку, и он равнодушно откинул волосы назад, его узкие глаза излучали спокойную нежность.

Щелчок.

В сердце Дуна что-то дрогнуло, словно камень, брошенный в спокойное озеро. На поверхности ничего не изменилось, но в глубине поднялась огромная волна.

— Что это?

— Жареный рис.

Чэн Пэнфэй ответил, вынимая зелёный перец из тарелки и передавая её Дуну.

Рис был рассыпчатым, с разнообразными добавками.

Дун взял тарелку и палочки:

— Кстати, вчера ты промок под дождём, не заболел?

Чэн Пэнфэй только хотел ответить, как чихнул.

— ...

После приёма лекарства Дун устроился на полу у кровати Чэн Пэнфэя, играя с телефоном, пока тот измерял температуру.

— Эй, у тебя есть Вэйбо?

Чэн Пэнфэй не температурил, но, будучи больным, стал мягче, чем обычно.

Он сонно посмотрел на Дуна и протянул ему телефон.

Дун разблокировал его, открыл Вэйбо, быстро нашёл своё имя и нажал «подписаться».

Аккаунт Чэн Пэнфэя был чистым, только один пост.

Но у него были тысячи репостов и комментариев.

Телефон Дуна остался внизу на диване, и он, не желая идти за ним, вышел из аккаунта, чтобы войти в свой.

Увидев привязанный QQ, Дун словно получил удар током.

...

Что за чёрт?

Так вот он какой.

Мир действительно мал.

Чэн Пэнфэй потел, хмурясь и что-то бормоча. Дун осторожно вынул градусник, кончики пальцев коснулись его горячей кожи, и он сразу же отдернул руку.

38.4.

Лёгкая температура.

Чэн Пэнфэй был хорош собой, его узкие глаза придавали ему некую загадочность. Говорят, что внешность отражает характер, но этот парень был удивительно покладистым.

<http://bllate.org/book/15547/1413519>